

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: O probleme interpretacii tekstov iz oblasti prava na zakatiah special'nomu perevodu

Author: Iolanta Luboha-Kruglik

Citation style: Luboha-Kruglik Iolanta. (2008). O probleme interpretacii tekstov iz oblasti prava na zakatiah special'nomu perevodu. W: "Russkij azyk v pol'skoj auditorii. T. 2" (S. 36-44). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Иоланта Любоха-Круглик

Катовице

О проблеме интерпретации текстов из области права на занятиях по специальному переводу*

В современном мире, в котором все большая роль отводится международным контактам в разных областях жизни, уже трюизмом является суждение о том, что основной функцией перевода является коммуникация – межчеловеческая и межкультурная. Успешное общение на иностранном языке предполагает высокий уровень языковой компетенции – с одной стороны, и учет особенностей национального менталитета носителей языка – с другой. Потребность в учете коммуникативных параметров при переводе вытекает из общей сложности двуязычной коммуникации, проходящей при участии переводчика. Важным звеном является также выбор определенной стратегии в целях избежания опасности деформации исходного коммуниката. Однако, далеко не всегда удастся создать в языке перевода текст, эквивалентный по отношению к оригиналу и, одновременно, вполне понятный для адресата.

Следует также отметить, что подробное изучение процесса перевода является в настоящее время одним из важнейших компонентов при обучении иностранным языкам. В частности касается это перевода юридических и правовых текстов¹, конструкция которых навязывает опреде-

---

* Тезисы этой статьи опубликованы в: *Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного. Международная научно-практическая конференция*. Москва 2006, с. 110–112.

¹ См. тоже: И. Любоха-Круглик: *Проблемы перевода правовых и юридических текстов (на материале русского и польского языков)*. В: *Русский язык в польской аудитории*. Ред. А. Зых. Катовице 2005.

ленные ограничения: значение в юридическом/правовом тексте в меньшей степени зависит от параметров коммуникации, в большей – от принятых правил интерпретации (т.е. толкования).

Наши размышления над переводом текстов права и юридических текстов начнем с объяснения этих понятий². Итак, правовой язык является, по сути дела, естественным языком, содержащим элементы терминологических конвенций. Это требование вытекает из его общественной роли как средства коммуникации, направленной к адресатам законодательных и нормативных актов, т.е. к обществу. Юридический язык располагает более широким (по отношению к правовому) понятийным аппаратом и более богатым лексическим составом. В литературе предмета широко распространено мнение о том, что существует несколько видов юридического языка как языка «рефлексий над правом, сформулированным на языке права»³. Юридический язык становится таким образом своеобразным инструментарием юриста, его интеллектуальной базой, которой он пользуется в зависимости от ситуации.

И юридический язык, и язык права относим в широком плане к специальному языку, который, в связи с развитием политических, экономических и культурных отношений между странами, быстро реагирует на все изменения, происходящие в разных областях жизни. Исследование этого языка приводит к оптимальным способам образования новой терминологии, значительно упрощая международное общение.

Предметом переводческой деятельности на занятиях по специальному переводу и одновременно ее результатом является текст. Студенты начинают свою работу от изучения текста оригинала, затем выполняют переводческие операции, ведущие к образованию нового текста. В процессе перевода они стремятся достичь не столько идентичность текста, сколько ситуативную эквивалентность. Сомнению не подлежит тот факт, что терминологическая эрудиция появляется у них не сразу, скорее – она приходит с опытом. Тем не менее, уже в процессе обучения, будущий переводчик должен получить основы и принципы техники поиска материалов, необходимых в процессе исследования отраслевой терминологии как в языке перевода, так и в родном языке.

Перевод текстов из области права создает трудности не только в техническом, языковом смысле, но прежде всего – в интерпретационном. Это

---

² Разграничение понятий *правовой* и *юридический язык* было проведено Б. Врублевским и другими польскими юристами. См. В. Wróblewski: *Język prawny i prawniczy*. Kraków 1948.

³ J. Piętkos: *Podstawy juryslingwistyki. Język w prawie – Prawo w języku*. Warszawa 1999.

вытекает частично из факта, что юридический текст, как и любой другой специальный текст, является соединением двух элементов: специальных терминов, характерных для данной области, и вспомогательной лексики, без которой данные термины не в состоянии эффективно функционировать.

Важно также отметить, что эксплицитность юридического текста значительно ограничивает возможность свободной интерпретации. Переводчик берет здесь на себя ответственность за правовые последствия перевода, сложность которого заключается прежде всего в том, что определенное информационное содержание переносится из одной правовой системы в другую. Таким образом, в процессе перевода сталкиваются не только две лингвистические, но также две правовые системы, которые неоднократно бывают совсем разными. Очередные проблемы возникают в связи с фактом, что многие термины, принадлежащие к одной правовой системе, могут обладать совсем другим значением или приобретать дополнительные оттенки значений, по сравнению с текстом подлинника. Эта условность значений слов и терминов приводит к тому, что язык права требует, чаще чем другие специальные языки, сопоставлений, целью которых будет обнаружение конкретной правовой, политической и общественной действительности. В качестве примера можно здесь привести слово *rewizja* и *kasacja*, перевод которых на русский язык часто является довольно затруднительным. Первые проблемы появляются уже в плане родного языка, поскольку термин *rewizja* (в зн. *przeszukanie, przeglądanie, obszukanie*), используемый в польском языке довольно широко, является разговорным термином⁴. Его синонимом, выступающим в качестве официального юридического термина, является слово *przeszukanie*, которое, однако, используется значительно реже. Причиной этого является, несомненно, недостаточная компетенция переводчиков, для которых оба термина обладают одинаковой силой. Русским аналогом для этого термина является слово *обыск*. Для второго значения слова *rewizja* (т.е. *kontrola*, пр. *w firmie*) аналогом будет слово *ревизия*.

В настоящей статье нас будет интересовать прежде всего язык, обслуживающий одну из самых значимых в настоящее время отраслей права, а именно – международное частное право. Надо здесь уточнить, что в контексте понятия *международное частное право* само слово *международное* имеет специфическое значение. Это значение следует отличать от значения термина *международное* в понятии *международное право*. Когда мы говорим о международном праве, мы прежде всего имеем в виду сово-

---

⁴ Разговорным термином является в польском языке также слово *bankructwo*, для которого в языке права существует официальный синоним *upadłość*.

купность общеобязательных принципов, либо закрепленных в международных договорах или других международно-правовых документах, либо не закрепленных. Эти принципы в международном публичном праве являются общими для всех государств, обязательными. Когда же мы говорим о международном частном праве, то слово «международное» используется в следующем значении: 'не замыкающееся в границах одного государства, содержащее в себе иностранный элемент'. На самом деле под международным частным правом⁵ всегда понимают конкретную национальную отрасль права. Таким образом, в каждом государстве имеется своя собственная система международного частного права. И в правоотношениях, которые регулируются международным частным правом, всегда присутствует иностранный элемент, который значительно осложняет процесс перевода текстов из данной отрасли права.

Для будущих переводчиков эта отрасль права кажется быть наиболее пригодной, так как встречаем здесь практически все термины, с которыми они могут столкнуться при анализе любых юридических текстов.

Существенной проблемой для всех, кто занимается переводческой деятельностью, является отсутствие актуальных русско-польских и польско-русских юридических словарей⁶, а также новых пособий⁷, которые давали бы рекомендации относительно перевода определенной терминологии. Во многих случаях малопригодными оказываются даже одноязычные словари. Именно поэтому единственным способом выявления или установления аналогов для отдельных слов и терминов является (как уже упоминалось) сопоставление и сравнение соответствующих типов текстов. Значительную (часто – единственную) помощь оказывают здесь также интернет-ресурсы.

---

⁵ См. об этом, напр.: <http://www.5ka.ru/52/index.html>; http://www.bereg.ru/sprav_info/bisnes/d_news/predpr.shtml

⁶ Те словари, которые есть на рынке, охватывают лишь небольшую часть необходимой терминологии и, во многих случаях, оказываются малопригодными (см., напр.: H. Kaznowska, G. Ojcewicz: *Polsko-rosyjski, rosyjsko-polski słownik interwencji policyjnych*. Szczytно 1997; *Polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski słownik policyjno-prawniczy*. Red. G. Pełowska-Sosteki, G. Ojcewicz. Szczytно 1999; T. Zobek: *Словарь юридической терминологии*. Warszawa 2006; и, кажется, лучший из юридических словарей, несмотря на то, что написанный свыше двадцати лет тому назад: *Słownik prawniczy polsko-rosyjski*. Red. L. Bar. Wrocław–Warszawa–Kraków 1986, который, однако, по очевидным причинам, трудно уже считать актуальным).

⁷ Следует отметить, что в последнее время пособия такого типа стали уже появляться. Однако исследования проводятся в них на основе английского языка. (см., напр.: A. Jopek-Bosiacka: *Przekład prawny i sądowy*. Warszawa 2006; M. Tryuk: *Przekład ustny środowiskowy*. Warszawa 2006).

В процессе своей работы переводчики сталкиваются с терминами, которые являются довольно неострыми, что может порождать нежелательную при переводе специальных текстов многозначность. В польском языке, так же как и в русском, термин *prawo* может обозначать тоже *закон*. Польский термин *apelacja* можно переводить на русский и как *кассация* (*обжалование в суд II инстанции не вступивших в законную силу судебных решений, вынесенных судом I инстанции*), и как *апелляция* (*обжалование судебных решений, вынесенных мировым судьей*⁸). Дополнительные проблемы связаны с фактом, что в польском языке также выступает термин *kasacja*, который, однако, следует переводить на русский как: *надзор, надзорное производство* (*обжалование в Верховный суд вступивших в законную силу решений или пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора*). Последствием такой многозначности может оказаться (в лучшем случае) введение читателя в заблуждение, в худшем – серьезные правовые последствия плохо выполненного перевода.

Как показало проведенное исследование, существует достаточно много расхождений в дифференциальных признаках, составляющих значение именно таких, «неострых» по своему значению слов, что затрудняет точное понимание термина даже носителями языка. Этому есть множество примеров. Итак, слово *wielokrotny* переводится на русский язык как *многократный*, т.е. ‘происходящий, производимый, имеющий место много раз’. В таком смысле данное слово употребляется, напр. в термине *многократная виза* (*wiza wielokrotna*), т.е. такая, которая дает право несколько раз пересечь границу. Однако в термине из отрасли международного частного права он переводится на русский язык по-другому, напр.: в словосочетании *wielokrotne obywatelstwo* – *множественное гражданство*. В связи с незнанием данного термина, студенты в переводе чаще всего применяют термин *двойное гражданство*, которое, однако, объясняет данный термин только частично (‘множественное гражданство’ означает наличие у одного и того же лица одновременно гражданства двух или более государств). Данного термина не находим ни в *Юридической энциклопедии*⁹, ни в одноязычных юридических словарях, хотя он является одним из основных понятий международного частного права.

В качестве следующего примера, вытекающего из многозначности (но не только), можно привести юридические термины: *prawo właściwe* и *sąd właściwy*, в которых в польском языке выступает имя прилагательное *właściwy*. Перевод этих терминов на русский язык доставляет польским

⁸ Мировой судья в переводе на польский язык – это *sędzia grodzki*.

⁹ *Юридическая энциклопедия*. Ред. М.Ю. Тихомиров. Москва 1999.

студентам значительных трудностей, решить которые в принципе невозможно без соответствующего сопоставления текстов. Итак, термин *sąd właściwy* следует переводить как *компетентный суд*, а *prawo właściwe* как *применимое право* или (опять многозначность) *применимое законодательство*, или *право, подлежащее применению*. Польский юридический словарь 1986 года¹⁰ приводит в качестве аналога термин *компетентное право*, который вообще не встречается в российских кодексах. Другими, более новыми словарями, данный термин не отмечается вообще. Большинство аналогов того типа возможно установить только в процессе тщательного изучения текстов из данной отрасли права. Важно тоже установление в правовом тексте общеприменительных аналогов, которые носят частично фразематический характер, то есть в определенной ситуации они должны употребляться в готовом виде, а не образоваться на ходу методом словарного подбора составляющих элементов (напр. *jeśli ustawa nie stanowi inaczej* – *если иное не вытекает из закона*, *wytoczyć powództwo prawne* – *предъявить иск о законе*, *prawo nakazuje* – *право предписывает*, *sprawę rozwodową* – *бракоразводные дела*, *czynność prawna* – *юридическая сделка*, *sąd może* – *суд вправе*, *wysoki sędzia* – *ваша честь*, *oskarżyciel publiczny* – *государственный обвинитель*, *przepisy prawa* – *предписания закона*). Это является весьма существенным, поскольку почти для каждого из приведенных здесь отдельных слов находим в словарях большое количество аналогов, в связи с чем перед переводчиком возникает дилемма – который из них выбрать. Итак, для слова *przepis* находим следующие эквиваленты: *положения, правила, законоположения*, значение которых не полностью совпадает; в некоторых случаях их взаимозаменяемость является вообще невозможной. Это вытекает из факта, что в общеупотребительном языке выражение *предписания закона* применяется также по отношению ко всем нормативным актам, действующим на данной территории (напр. в государстве). Однако, с юридической точки зрения, такое толкование и, что из этого следует, такой перевод, является неуместным. Процесс интерпретации (толкования) юридического текста должен учитывать различие предписаний и норм, поскольку эти термины не тождественны.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что переводчик текстов данного типа должен проводить регулярное сопоставление права в области обеих правовых систем.

Как нам кажется, только такой подход гарантирует получение относительной правовой и юридической точности в области терминологии. Эта «относительность» во многих случаях связана со своеобразной интер-

---

¹⁰ *Słownik prawniczy polsko-rosyjski...*

текстуальностью юридических текстов, которые закономерно включают в себя и чужие тексты (юридические документы, показания свидетелей, заключения экспертов и т.п.). Достижение точности при переводе специальных текстов возможно только путем последовательного применения юридических терминов – для обозначения одинаковых понятий должны применяться одинаковые определения, раз выбранный аналог должен последовательно применяться переводчиком в рамках минимум данного текста. Точности в области терминологии не способствует также тот факт, что как русский, так и польский языки являются флективными языками, что порождает появление большого количества сложных по своему составу терминов. Эти сложные термины часто являются комбинацией одних только терминов и нетерминов (*kara pozbawienia praw publicznych* – лишение публичных прав) или только терминов (*kara konfiskaty mienia* – конфискация имущества). Эти комбинации могут в сопоставляемых языках выглядеть по-разному: термину в одном языке может соответствовать нетермин в другом, ср. *mienie, majątek* – имущество. Первая комбинация встречается чаще, поскольку только она обеспечивает необходимую продуктивность при образовании юридических терминов. Все эти явления должны быть учтены в процессе обучения переводу и при интерпретации текста.

Семантическая неоднородность юридического (правового) языка является часто результатом заимствования правом общих терминов. В польском языке, напр., на правах синонимов функционируют глаголы *pożyczyć* и *użyć* и, соответственно, существительные *pożyczka* и *użyczenie*. Однако в толковании права их значение не совпадает. *Pożyczyć* обозначает, что мы получим обратно такую же вещь, но не ту же самую. *Użyć*, в свою очередь, обозначает, что нам должны вернуть обратно ту же самую вещь, которую мы давали взаймы. Двухязычный юридический словарь для обоих этих терминов устанавливает следующие аналоги – *ссуда* для термина *użyczenie* и *заем* для термина *pożyczka*. Проследив значение этих двух аналогов в русском языке, можно прийти к выводу, что, как и в польском языке, они функционируют в качестве синонимов (по экономическому словарю: *ссуда* – в гражданском праве – синоним *займа*), ввиду чего трудно однозначно определить, чем был продиктован выбор эквивалентов именно в таком порядке.

Помимо прочего, существенную проблему представляет собой неоднородность терминов в пределах отдельных отраслей права. Чем-то другим является, напр., понятие *вины* в гражданском праве, чем-то другим – в уголовном. При сопоставлении законодательства Польши и России также обнаруживаем существенные различия, как между обеими правовыми системами, так и в пределах отдельных отраслей (напр. термин *несо-*

вершеннолетнее лицо в трудовом кодексе – лицо в возрасте 15–18 лет, а в уголовном – лицо в возрасте до 21 года, и т.д.).

Принимая во внимание всё вышесказанное, мы подошли к вопросу об обучении переводчиков, т.е. тех, кто является существенным звеном в процессе коммуникации между двумя иностранными партнерами. Важность этого звена кажется очевидной, если учесть тот факт, что переводчик полностью отвечает за правовые последствия выполняемого им перевода. Все это, естественно, составляет большую проблему для переводчиков (как действующих, так и будущих), т.е., как правило, филологов, которые в процессе университетского обучения получают лишь основные знания из области права и международных экономических отношений. Этим также можно объяснять их неоднократно недостаточную компетенцию во многих юридических вопросах, последствием которой являются серьезные переводческие ошибки.

Надо при этом подчеркнуть, что повышению квалификации обучения в университетах в Польше не способствуют также программы, не учитывающие очевидного, казалось бы, факта, что деятельность будущих переводчиков не может быть успешной без прочных знаний основ права, юридической терминологии (национальной и интернациональной). Кроме того, несмотря на растущий интерес к проблемам современного переводоведения в прикладном аспекте, до сих пор нет четко разработанной лингводидактической основы, т.е. соответствующего теоретического построения, охватывающего комплексно систему навыков и умений, необходимых для всех тех, кто желает стать переводчиками.

При этом нельзя забывать, что процесс перевода является процессом многоэтапным и зависит от многочисленных факторов. Толкование каждого слова связано с познанием языка, что выходит далеко за пределы текста, который надо перевести. Сложная задача переводчика состоит здесь не только в лингвистической интерпретации текста, но прежде всего в его толковании с юридической точки зрения.

Перевод юридических текстов доставляет проблем не только в техническом плане, но, как мы старались доказать, также в интерпретационном. В целях перевода такого текста следует не только декодировать значение отдельных слов, что является довольно простой задачей, но прежде всего найти тот смысл, который автор текста – законодатель, судья, редактор – хотел придать своему тексту. Чтобы этого добиться, переводчик должен «уметь читать» текст в полном значении этого слова.

Jolanta Lubocha-Kruglik

O problemie interpretacji tekstów prawniczych na zajęciach z tłumaczenia specjalistycznego

Streszczenie

Analiza procesu tłumaczenia jest obecnie jednym z najważniejszych zadań w nauce języków obcych. Dotyczy to zwłaszcza tłumaczenia tekstów prawnych i prawniczych, których konstrukcja narzuca pewne ograniczenia, znaczenie w takim typie tekstu w mniejszym bowiem stopniu zależy od parametrów komunikacyjnych, w większości zaś – od przyjętych reguł interpretacji. Ważny jest również wybór określonej strategii tłumaczenia, która pozwoli uniknąć deformacji tekstu wyjściowego na jakimkolwiek poziomie. Przy tłumaczeniu tekstów prawnych i prawniczych najlepszą metodą wydaje się metoda porównywania analogicznych tekstów w obu językach oraz związana z tym konfrontacja systemów prawnych.

Jolanta Lubocha-Kruglik

On the problem of the interpretation of legal texts during the classes in specialist translation

Summary

The analysis of the process of translation is nowadays one of the most important tasks in the process of FL teaching. It concerns mainly translations of civil and legal texts whose style gives certain limitations – the meaning in such a type of text depends to a smaller extent on the communication parameters and to a greater extent on the established rules of interpretation. What is also important is the choice of a given strategy of translation which prevents deformation of the output text on any level. When translating civil and legal texts, the best method seems to be a comparative method of analogical texts in both languages as well as the confrontation of legal systems connected with it.